

DOI: 10.31857/S0205960624020127
EDN: XQСМУW

КРУГЛЫЙ СТОЛ «75-ЛЕТИЕ АВГУСТОВСКОЙ СЕССИИ ВАСХНИЛ 1948 ГОДА: УРОКИ ИСТОРИИ»

*БЕЛОЗЕРОВ Олег Петрович – Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН; Россия, 125315, Москва, ул. Балтийская, д. 14;
эл. почта: o.belozerov@inbox.ru*

С 31 июля по 7 августа 1948 г. в Москве проходило заседание сессии Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина, которая вошла в историю как августовская сессия ВАСХНИЛ. История этой сессии, как и история лысенкоизма в целом, наверное, один из самых интенсивно разрабатываемых сюжетов в истории советской и российской биологии. Ей посвящено большое количество литературы, как научных статей, так и монографий. Связан такой интерес с тем, что сессия имела далеко идущие (и негативные) последствия для развития в Советском Союзе генетики, которая была, по сути, запрещена, и опосредованно последствия и для других направлений биологии.

В 2023 г. исполнилось 75 лет с момента проведения августовской сессии ВАСХНИЛ. В честь этой годовщины Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН (ИИЕТ РАН) в лице отдела истории биологических и химических наук и Московское общество испытателей

природы 3 октября 2023 г. провели круглый стол «75-летие августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года: уроки истории», на котором были обсуждены различные исторические сюжеты, связанные с историей сессии, и ее последствия для советской биологии.

Отправной точкой для обсуждения истории августовской сессии в рамках круглого стола стали краткое вводное слово, произнесенное организатором и ведущим круглого стола О. П. Белозеровым, и пять докладов, прочитанных сотрудниками ИИЕТ РАН.

В своем вводном слове Белозеров напомнил общую канву событий, связанных с сессией. Он изложил основные положения доклада Т. Д. Лысенко «О положении в биологической науке», с которого началась работа сессии; рассказал о дальнейшей ее программе, которая включала экскурсию на экспериментальную базу Лысенко в Горках Ленинских, где посетителям демонстрировали ветвистую пшеницу, из которой предполагалось путем «воспитания» получить высокоурожайный сорт; сделал обзор

состоявшихся далее прений, которые продолжались в течение восьми заседаний. На них 48 ораторов дали восторженную оценку докладу Лысенко и выступили против генетиков с обвинениями иногда научного, а чаще политического характера. Из числа защитников генетики возможность выступить была предоставлена всего восьми ученым (И. А. Рапопорт, Б. М. Завадовский, С. И. Алиханян, И. М. Поляков, П. М. Жуковский, А. Р. Жебрак, И. И. Шмальгаузен, В. С. Немчинов), из которых трое (П. М. Жуковский, С. И. Алиханян, И. М. Поляков) в конце сессии сделали покаянные заявления. Большинству из оставшихся пришлось сделать это позже, единственным исключением стал Рапопорт, который отказался признать свои якобы ошибки.

Далее выступил К. О. Россиянов, который посвятил свой доклад анализу деятельности Лысенко и тому, как она воспринималась научным сообществом и руководством СССР того времени. Он отметил, что у Лысенко была репутация новатора-практика, в пользу его нововведений верили многие руководители страны, в частности И. В. Сталин, и в своем докладе на августовской сессии ВАСХНИЛ он использовал в качестве доказательства верности мичуринской биологии то, что она приносит важные практические результаты. Многие советские биологи также признавали ценность некоторых развивавшихся Лысенко агрономических подходов, в частности ценность использовавшегося им метода яровизации, который заключается в охлаждении семян озимых культур перед посевом по определенной методике, с тем чтобы их можно было

потом выращивать как яровые культуры. Использование этого метода могло быть полезным в малоснежных районах, также Н. И. Вавилов приветствовал использование яровизации для селекции — с ее помощью можно скрещивать растения разного происхождения и сроков вегетации. Но Лысенко предлагал использовать этот метод также для повышения урожайности, и такое использование яровизации уже в начале 1930-х гг. было воспринято критически, поскольку выгодность его использования не в лабораторных условиях, а в реальном сельскохозяйственном производстве не была доказана, в частности, и потому, что Лысенко проверял эффективность метода яровизации не на опытных станциях, а в колхозах, где не соблюдалась методология научного исследования. Однако критика научного сообщества властью не была услышана. Как отметил Россиянов, были сделаны несколько попыток дать ответ на вопрос, почему так произошло, среди выдвигавшихся объяснений были такие: Лысенко пытался критику яровизации со стороны ученых-агрономов перебить своими обвинениями классической генетики в неэффективности; генетики, не имевшие отношения к сельскому хозяйству, не были заинтересованы в очень сильной критике Лысенко, поскольку они в свою очередь тоже могли быть обвинены в недостаточной практической отдаче классической генетики; августовская сессия ВАСХНИЛ нанесла такой удар по советскому биологическому сообществу, что оно уже не осмеливалось критиковать Лысенко; после августовской сессии ВАСХНИЛ взгляды Лысенко подверглись сильной политизации

Участники круглого стола «75-летие августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года: уроки истории»

и практическая эффективность его подходов отошла на второй план. По мнению докладчика, в настоящее время однозначность в отношении взглядов Лысенко уходит, их оценка дается в динамике, если его более поздние взгляды Лысенко можно считать лженаучными, то его ранние идеи, в частности развитие метода яровизации и разграничение роста и развития растений были вполне научными, а ламаркистские симпатии Лысенко для того времени не были чем-то необычным.

Р. А. Фандо рассказал об отражении идей Лысенко и событий, связанных с августовской сессией ВАСХНИЛ, во французской печати. Он отметил, что после сессии французская коммунистическая печать стала трибуной для пропаганды лысенкоизма, хотя в прочих изданиях были и критические статьи в адрес

Лысенко. Такое комплиментарное отношение к идеям Лысенко во Франции можно объяснить тем, что исторически в этой стране были сильны социалистические и коммунистические идеи, кроме того, довольно активно развивались советско-французские научные связи. Например, Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) направило во Францию французский перевод материалов сессии ВАСХНИЛ. При этом если с конца 1940-х гг. наблюдалось нарастание противостояния между СССР и англоязычным миром, то отношения с Францией были гораздо более спокойными, так, известные французские ученые продолжали избираться в члены АН СССР, а англосаксонские нет. Способствовало интересу к идеям Лысенко во Франции и то, что здесь исторически были сильны позиции ламаркизма.

Далее работа круглого стола продолжилась выступлением О. Ю. Елиной, которая рассказала о том, как августовская сессия ВАСХНИЛ отразилась на работе советских селекционеров. При ближайшем рассмотрении оказывается, что, в отличие от многих биологов и особенно генетиков, селекционеры довольно спокойно пережили сессию, продолжали публиковаться, защищали диссертации, получали государственные премии и т. д. Вплоть до 1950-х гг. методы генетики мало использовались классической селекцией, которая основывалась на долгосрочном отборе, и для продолжения работы селекционерам было достаточно ссылаться на постановления партии и правительства, на труды классиков агробиологии. При этом селекционеры часто избегали даже упоминать имя Лысенко, ссылаясь на компромиссную фигуру И. В. Мичурина. Ввиду этого селекция стала убежищем для многих генетиков, которые попали под удар лысенкоизма, но смогли переквалифицироваться и продолжить работу уже как селекционеры.

М. С. Козлова проанализировала влияние августовской сессии ВАСХНИЛ на развитие в СССР эволюционной антропологии. С начала XX в. в России эволюция человека трактовалась как эволюция биологического вида. Однако в 1930-х гг. она стала рассматриваться через призму идей Ф. Энгельса, изложенных в его статье «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», в которой человек рассматривался не просто как биологический вид, но как социальное существо, создающее орудия труда и эволюционирующее отлично от других видов. Энгельс полагал, что признаки

человека, возникающие в результате трудовой деятельности, могут закрепляться наследственно; таким образом, концепция Энгельса была ламаркистской.

Но в СССР официальной эволюционной теорией считался дарвинизм, и возникал вопрос, как соединить дарвинизм с теорией Энгельса. Предлагались разные варианты, например, Я. Я. Рогинский предположил, что трудовая деятельность влияла на эволюцию опосредованно, через естественный отбор, и этот отбор действовал до появления человека современного вида; Г. А. Шмидт ввел в научный оборот концепцию общественно-трудового отбора, особой формы отбора, который опять-таки прекратил свое действие после появления человека современного вида.

После сессии 1948 г. положение антропологии в СССР опять изменилось: ее развитие резко затормозилось. В 1948 г. в журнале «Советская этнография» появилась статья от редакции «Мичуринское направление в биологии и советская антропология»¹, в ней антропологам предлагалось рассматривать влияние среды, в данном случае трудовой деятельности, непосредственно на организм человека, минуя естественный отбор. Таким образом, в развитии антропологии произошел откат: биологические факторы в эволюции человека стали игнорироваться, а рассматривались в основном социальные. Так, В. В. Бунак рассмотрел изменение черепа человека под влиянием только социальных факторов, С. А. Семенов предположил, что потеря волосяного покрова

¹ Мичуринское направление в биологии и советская антропология // Советская этнография. 1948. № 4. С. 9–22.

у человека произошло исключительно благодаря ношению одежды, использованию огня, жилища и т. д. Особенно идеи Лысенко вдохновили гуманитариев — археологов, этнографов, историков. Они фактически призывали вернуться к концепции Энгельса и игнорировать биологическую эволюцию человека. Такое отношение к антропологии продолжалось в целом до 1964 г., хотя некоторые антропологи критиковали такой подход. И только с 1970-х гг. эволюция человека стала рассматриваться с точки зрения синтетической теории эволюции.

В отличие от предыдущих докладчиков, говоривших о влиянии августовской сессии ВАСХНИЛ на целые области знания, О. П. Белозеров в своем выступлении привел пример того, как сессия отразилась на жизни одного конкретного ученого, Михаила Михайловича Завадовского. Завадовский был одним из ведущих советских биологов 1920—1940-х гг., внесшим значительный вклад в различные области науки, в частности в физико-химическую биологию, эндокринологию и паразитологию. Также он сделал ряд теоретических обобщений, наиболее важными из них были концепция новой научной дисциплины — динамики развития организма — и формулирование принципа обратных связей в работе эндокринных желез. Кроме того, он создал гормональный метод искусственного многоплодия сельскохозяйственных животных, который позволил значительно увеличить продуктивность животноводства.

Не менее значительным был его вклад в науку как организатора и администратора. Так, в 1923—1927 гг. он занимал пост директора Московского зоосада (с 1925 г. — зоопарка) и

организовал здесь Лабораторию экспериментальной биологии, которая стала важным центром биологических исследований в СССР (в 1930 г. эта лаборатория была реорганизована в лабораторию физиологии развития Всесоюзного института животноводства (ВИЖ). В 1930 г. он создал на биологическом факультете Московского университета кафедру динамики развития организма, которую возглавлял до 1948 г. В 1935 г. Завадовский стал академиком ВАСХНИЛ и в 1935—1938 гг. занимал пост заместителя президента этой академии.

Завадовский не был генетиком — он и по университетскому диплому, и по своей научной деятельности был физиологом в широком смысле этого слова. Однако августовская сессия имела для него самые печальные последствия — он был уволен со всех постов и отлучен от научной деятельности на шесть лет, его научные труды были запрещены, а научные результаты, пользуясь новомодным словом, отменены.

Белозеров показал, что главными причинами такого поворота событий было то, что, не будучи генетиком, Завадовский тем не менее очень активно и недвусмысленно поддерживал классическую генетику во время генетических дискуссий 1930-х гг., в частности во время известных дискуссий 1936 и 1939 гг., и, кроме того, у него сложились не лучшие личные отношения с Лысенко, причем не в силу личной конфликтности, а в силу научной принципиальности Завадовского. Будучи создателем метода искусственного многоплодия сельскохозяйственных животных, Завадовский выступал за применение достижений академической биологии для развития сельского хозяйства.

Такой подход не всеми разделялся во Всесоюзном институте животноводства, который был одним из мест работы Завадовского в 1930-х гг. Лысенко, хотя он и не работал в ВИЖе, разделял эти предубеждения по отношению к академической науке и недоверие к ней. Завадовский же справедливо оценивал подобные заявления как яркий образец консерватизма и косности в науке.

Снова возможность работать он получил только в 1954 г., когда во Всесоюзном институте животноводства была восстановлена его лаборатория физиологии развития, правда, в меньших размерах, где он проработал уже до самой своей смерти, наступившей в 1957 г.

Все доклады в рамках круглого стола вызвали большой интерес присутствующих и сопровождались многочисленными вопросами, уточнениями и комментариями. После окончания запланированной программы круглого стола развернулась уже более свободная дискуссия — практически в формате минидокладов — о том, какие побудительные мотивы лежали в основе проведения августовской сессии ВАСХНИЛ и как она отражалась на судьбах конкретных ученых.

Так, Н. И. Кузнецова, отталкиваясь от последнего доклада О. П. Белозерова, указала на то, что мероприятия, подобные сессии ВАСХНИЛ, показывают, что под каток политической кампании ученый может попасть даже в том случае, если он не имеет прямого отношения к спорной тематике; говоря же о природе августовской сессии, она привлекла образ, предложенный во второй половине 1990-х гг. А. Б. Кожевниковым, — «игры сталинской демократии», в ее интерпретации задачей сессии было продемонстрировать

необходимость следования принципу демократического централизма в науке, что было для последней убийственно.

С. В. Багоцкий высказал мнение, что правильному пониманию природы сессии ВАСХНИЛ мешают два мифа: первый, что целью сессии была борьба с генетикой (в том время как, по мнению выступавшего, такой целью было удаление из политической игры А. А. Жданова через критику его сына Ю. А. Жданова, который покровительствовал генетикам), второй — что лидером лысенкоистов был Лысенко (эту роль Багоцкий отвел И. И. Презенту). Эти заявления вызвали ряд возражений, в частности, Кузнецовой было указано на то, что августовская сессия ВАСХНИЛ была лишь первой в ряду подобных мероприятий и вряд ли можно утверждать, что они организовывались с узкой целью удаления из политики А. А. Жданова. Л. И. Московкин выразил мнение, что причиной проведения сессии ВАСХНИЛ был страх И. В. Сталина перед интеллигенцией, однако это мнение не было поддержано Багоцким.

По признанию участников круглого стола, это мероприятие получилось очень содержательным, позволившим без всяких ограничений обсудить историю важного события в истории советской биологии и его интерпретации. Р. А. Фандо, директор ИИЕТ РАН, отметил, что представленные на нем материалы заслуживают того, чтобы быть опубликованными, и некоторые из них уже увидели свет в качестве научных статей².

² Белозеров О. П. М. М. Завадовский и августовская сессия ВАСХНИЛ 1948 г. (к 75-летию годовщины сессии) // Журнал Российского национального комитета по истории и философии науки и техники. 2023. Т. 1. Вып. 1. С. 19–30; Россиянов К. О. Теория и практика «мичуринской агробиологии». Опыт исторического анализа // Там же. С. 40–49.